

ЧИФИР ДЛЯ ГЕНИЯ

Вечерний Петербург. №154 (20344) 15 июля 1994

Сергей Шевчук

ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ. АД

Если Ты не первой, безоглядной, поре расцветающей молодости и испытал любовь и бредущую за ней по пятам горечь если не воспитана вере и не знаешь, что по Вере воздастся, — тоска Жмёт сердце под утро. Смутный поздний рассвет вползает сладкой отравой, день сочится... Не пускать блудливый час, задернуть шторы, зажечь свечу И видеть в колеблющемся свете другие города, сады, сбегаящие террасами к лазоревому морю, цветущие всеми цветами земли. Видеть незримое.

А этот Город за окнами продут Холодным западным Ветром, сбежавшим с оловянной глади капризного моря, пахнущего водорослями, нефтью и корюшкой. Это — мираж, вставший в северных чахоточных лесе», взметнувшийся золотыми шпильями над красными торфяными озерами, накрывший круглыми шпильями византийских соборов греческие базилики и римские портики... Город необязательный, придуманный, больной и губительный, прекрасный, как воображение одинокого художника, ненавидящего все телесное, простое, ясное и обязательное. Это неуловимый Город, претворивший себя, а камне дворцов и бронзе владетельных истуканов, Город возомнившей гордыми...

Приползет с грозным голодным урчанием огромная туча — лиловое облако с желто-зеленым брюхом и императорской красной опушкой по краю, пойдет низко, задевая ангелов на шпилях и победительных колоннах, покатит пустое железо и вдруг разорвется внутри себя, открыв ослепительное нутро и ударив вниз, шипящей электрической искрой — зазубренной багровой молнией. Тогда померкнет свет...

Я не стал, бы писать об ЭТОМ, но я прикоснулся к тайне. И приоткрылась завеса над устройством мира, и видишь — словно в щелку: туман, клубы невнятного, обманчивого, серая пелена, вырастают багровые пятна, встают гиганты, вдруг — вспышка, резкая линия, грубый мазок, рисующий одним ударом. Видишь шифр, криптограмму, и открывается абсолютная истина. И было так, что рушились миры и распадались царства, уходили народы в безвестность, гибли герои — от невежественной толпы и зависти властелинов, и глупость перетирала прах истину, и, хохоча, били и распинали знание, но ставили на крови героев и гениев храмы новой веры. Страшно заглядывать: Бездна — разинутые рты, крики, грохот обвала, беспредельная ярость, жестокость и нечеловеческая ненависть. А над тобой — свет, небо, неохватная ангельская вышина, гармония сфер... И не ты же был подведен к самому краю пропасти, не ты был избран, и не тебе дано было свершить фантастический жизненный круг — спуститься в ад, воскреснуть и заглядеться небесами.

Живет в городе человек. Самого обыкновенного вида, с плавной музыкальной речью, откровенный и глухоскрытный, интеллигентно мягкий и неожиданно резкий (вдруг сверкнули очи), серьезный и деловитый, говорун ценящий шутку, гурман, требующий среди дня кружку чифира, знаток музыки, живописи и японских хокку — необыкновенно притягательный и чем-то опасный.

Его несправедливо судили, он многие годы провел в самых страшных тюрьмах и лагерях. Он проводил секретные работы в отделах советских спецслужб. Он — профессиональный психолог и гипнотизер, обладающий необыкновенной силой внушения. Он сделал открытия, которым — уверен — предстоит перевернуть мировую науку и жизнь человечества. Фауст ли он, и ждет ли его за похищенное сокровенное знание серный пламень и вечная мука?

Или — мастер, которому предстоит встреча с покоем и беспредельной ясностью света?

За ним охотятся иностранные спецслужбы, его неусыпно охраняет российская контрразведка.

Имя его держится в секрете.

Я буду называть его — Он

Время неразделимо, время — единый поток...

Страдивари грелся а лучах славы О нем с одобрением отзывался папа, его имя с почтением произносили при королевских дворах Его скрипки.. О. они пели превосходно, он видел — и не раз — как люди, слушая их, плакали святыми слезами. Он мог

бы уже спокойно умереть... Но Гварнери! Его скрипки говорили божественным языком! Страдивари сходил с ума, он впадал в бешенство. В невыносимых муках создавал Он инструмент за инструментом, увеличивая, бывало, размер новой скрипки на несколько миллиметров всего лишь на 3 — 4 миллиметра! и каждый раз он проводил по струнам С замиранием сердца Будь проклят его каторжный труд, да. Они пели прекрасно, но не так, как у Гварнери

Он ненавидел Гварнери. Тот знал тайну, недоступную смертному, в которую могли посвятить только ангелы однажды слетевшие с горных вершин Но отчего же Господь выбрал не его, Антонио Страдивари, усердно трудившегося всю жизнь во славу Всевышнего? Отчего?

но что такое скрипка? Это а наше-то безумное, смутное и бесправное время говорить о такой безделице? Скучающий филармонический эстет полагает, что она создана лишь для услаждения его пресыщенного слуха. Для музыканта Она — способ построения гармоний, фантома, призрака, живущего мгновение. И слушателю вольно понимать звучащую гармонию сфер — или оставаться глухим Математики, геометры и философы ставят ее а ряд с величайшими полотнами, книгами, системами знаний — высшими проявлениями духа. И кто знает, что скрипка — это вопль, обращенный к небесам. Вопль любви, гипнотически завораживающий, открывающий сладостные поля мира и блаженства. Скрипка есть Любовь В её голосе, как в завете Христовом, скрыта тайна мироздания, я ее маленьком трепещущем теле — секрет времен, ушедших и грядущих, формула вечной жизни.

Тайну, хранимую скрипкой, знал великий Леонардо, она была открыта Гварнери. В нее был посвящен еще один человек. Его везли в железном ящике в Сибирь — пристанище советских зеков, бандитов и ненужных отечеству гениев

Сцепку свершившегося не разъять, не дано определить разумом связь свершившихся событий. Но время — единый лоток...

Он лежал ничком на грязной земле, видя через ресницы сапоги конвоира. Лежа на грязной земле, он парил в небесном океане и видел себя, лежащего на грязной земле рядом с конвоиром и рвущейся с поводка собакой. Он был белой птицей.. Три тысячи пет назад он распростерся на шершавых прохладных плитах, и бритоголовый Жрец с горящими безумными глазами медленно тягучим и властным голосом произносил заклинания. Медленный властный голос наполнял храм, мозг разрывался и, умирая, вспыхивал, вмещая тайные знания. Завтра он пойдет к старому фараону и сообщит ему сокровенное, а потом черный раб, скаля по-собачьи зубы, поднесет ему чашу с отравой... Он видел огонь и дым, и солдат, закованных в бронзу, убивавших женщин и детей. Он склонился над священным треугольником, начертанным на истоптанном грязном песке, и воин занес над ним короткий тускло блестящий меч...

Так было когда-то с ним, или все привиделось ему, лежащему у ног конвоира...

Его носило на Восток... Он трясся в железном ящике арестантского «Столыпина» среди убийц, насильников, бандитов и маньяков. Только в его «сопроводилровке» значилось — склонность к побегу, терроризму, убийству, нападению на конвой. На этапах ему надевали наручники, выводили с собаками, и молоденький конвоир, улыбаясь раскосыми глазами, бил прикладом а голову — без сознания он был не так опасен.

В пересыльных тюрьмах его Встречали накрытыми столами — с великим уважением от преступного мира.

Он мотался в железной клетке и повторял, повторял любимое хокку великого Басё:
Я в пути занемог
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным лугам.
Я буду называть его зек. Зека ждал ад.

КАТОРГА

...И мир перевернулся — ясный и разумный: книги, театры, музыка в белоколонных залах, тишина библиотек, успокаивающие мягким ходом авто, музеи, обворожительные женщины,

работа в лабораториях, предчувствие открытий, карьера, уважение коллег, приятность комфорта и радость обладания красивыми вещами, друзья — все исчезло.

Предательство, несправедливость, абсурд, жестокость, ненависть, дыхание толпы и всепобеждающая глупость — стали его миром. Каторга.. Лица, искаженные ненавистью и потерянной надеждой, старые и молодые, покрытые морщинами, льстивые, тупые, хитрые, злобные, с глазами тусклыми, усталыми, и безглазые лица. Лица, на которых написаны страх и жажда жить. Жить во что бы то ни стало, сгибаясь, топча себя и себе подобных, в ужасе перед завтрашним днем и в привычке к сегодняшнему часу, карабкаться к жизни, драться за каждый ее бессмысленный и отвратительный миг. И, моля бога, благодарить за то, что не получил Пулю в затылок, помилован и видишь лес, вышки, и вкальываешь на заводе, жрешь баланду, валяешься на нарах, и что не задушили, не зарезали, не сволокли твое мертвое тело в жидкий рассветный час а сырую ему. Жить! Год за годом, рассвет за рассветом — жить. И находить спасение, любовь, прощение...

Нет ничего на свете страшнее советской каторги.

Зек попал в самую тяжелую КОЛОНИЮ В ней «тянули» срок особо тяжкие преступники, получившие «вышку» и помилованные — вместо казни — пять лет «крытого» режима, пятнадцать лет и еще пять. Если выживешь, незадолго до его прибытия произошел мятеж заключенные резали, били друг друга отчаянно и безжалостно. 160 трупов были, как собаки, зарыты в сибирскую землю.

Зек увидел землянки. Их наполняли сырость, мразь, москиты и невыносимый запах сотен страдающих тел. Треть заключенных болела сифилисом, другая — выплевывала легкие кровавыми сгустками. Работала зона на химическом заводе. Доставляли туда в Железной клетке — битком, тело к телу. Обрато грузовик привозил несколько трупов — Задушенных, зарезанных по пути. Заключенные калечили себя, ломали руки, ноги, резались, травились. Делали «мостырку» (у «специалиста» закрытый перелом руки стоил 25 рублей, открытый 50), вызывали у себя самые опасные болезни, лишь бы не на химзавод. Только бы из зоны — на несколько дней в больничку.

Каторга встретила Зека настроенно С этапов предупреждали: идет особо опасный, подрасстрельный, охраняют с предельной тщательностью. А в зону явился интеллигентного вида человек, явно с высшим образованием и словно бы с курорта — ясноглазый, румяный.

Начальство исправительного учреждения растерялось. Непонятный зек так не может выглядеть человек после двух лет тюрьмы, года зоны, «Столыпина», и приговор страшный, редчайший, а статьи смехотворные — попытка присвоения власти, например. Держится независимо, нет страха и привычной для каторги униженности. И какая-то тревожная сила исходила от него...

Несколько месяцев Зека держали в карантине, старательно соображая, какое место отвести ему в каторжной иерархии.

А каторга каждому определяет место Новичка проверяют, испытывают, ничего тому скрыть не удастся... Гора мышц, смел до безумия, готов убить — наводит такому порядок кулаком и ножом Быть ему «быком»... Умен, образован, сел за хитрое

хозяйственное преступление — в Завхозы, учетчики библиотекари. Это — интеллектуал каторги... Слабый, глупый, способен продать, настучать, заложить товарища по нарам — быть ему в низшем разряде среды отверженных Место его - возле выгребной «мы... Сломлен, запуган, покорен, неотличим в массе? В рабочее стадо — в «мужики». И вкалывать ему в зоне до Последнего дыхания «Мужики» — это народ каторги.

Но если пришел яркий человек, соединивший недюжинный ум, волю, физическую силу и нравственность (да, и нравственность!), то непременно станет он авторитетом, почти равным Богу, Судьей, от слова которого будет Зависеть жизнь каторги. Да, в ней жестко определено место каждому. Но точно так же в человеческом организме определено место печени, сердцу, желудку, и нельзя поменять ИХ расположение, и места заключения- Специфический Организм. Он живет по естественному, органическому, единственно возможному для каторги закону. Свирепому, но и милосердному. Его не сочинял законодатель, не придумывало начальство. Поколения заключенных, вынужденных существовать в чудовищных, экстремальных условиях (да и сами зеки нередко чудовища), произвольно создали его в точном соответствии требованиям среды и инстинкту выживания. Это сообщество выброшенных из нормальной жизни людей выварило в бульоне страданий, страха и надежд – свою воровскую конституцию.

И горе тому, кто нарушит ее, — наступит его последний миг. И каторге — беда, отступившей от нее. Ударит час беспредела, неистового насилия, вырвутся наружу темные страсти, захочет вздохнуть замученная душа и утолится чужой горячей кровью. Погибнут все: от пахана до ничтожной «шестерки». Погибнет и каторжный организм... Вольный, нормальный мир не принимает воровского закона, но как лицемерит он! Это он породил каторгу, и она — во всех своих жутких проявлениях — его отчетливое зеркало!

Каторга всматривалась в Зека. И он изучал ее: перед ним стояла задача — выжить, сохранить себя. У него появился враг — главный нарядчик, на языке зэков — «главкозел», второй человек в зоне после начальника колонии.

На необычного заключенного жадно, как озерный окунь, клюнул начмед, унылый майор, которому до чертиков надоела многолетняя служба — похуже отсидки. Зек писал для него статьи по психологии заключенных, майор ставил свою фамилию и посылал по начальству — с огромным успехом. Начмед подумывал уже о скором переезде в город, о карьере... Как вдруг Зек будто бы случайно, обронил в разговоре, что главкозел его, Зека, ненавидит и переводит в другое исправительно-трудовое учреждение. Майор заметался: как же близкая воля, повышение по службе, городская квартира? И вдруг вспомнил спасительное (не без помощи Зека): главкозел, возможно, болен туберкулезом в открытой форме. Но ему же приходится лично общаться с самим начальником! Ай-ай! Непорядок! Майор снял телефонную трубку, позвонил, и на следующий день всесильный нарядчик был отправлен в кустовую больницу, в которой собирались на «сходняки» воры. В колонию он уже не вернулся.

Каторга содрогнулась. Она поняла верно — появилась новая сила, которой нужно подчиниться. Пришел тот, кто займет высшее место в ее иерархии.

И Зек достиг высшего положения. У него было три «шныря»: один открывал Дверь, Другой заботился о питании (пайке, чифир), третий — о гардеробе! Черный костюм из лучшей ткани всегда был вычищен и отутюжен не хуже парадного мундира морского офицера. Ему позволялось — необыкновенное отличие — проходить по зоне в тапочках, придерживая на груди не застегнутую куртку, не сдергивая перед начальством головного убора.

Он стал непререкаемым авторитетом среди убийц и бандитов. Зек понял естество каторжного организма, и с ним колония зажила по своему закону нравственной силой он подчинял себе души преступников — души преступные, но до надрыва чувствительные к справедливости. Он спасал их, показывая пример человечности.

Заключенный, доведенный до отчаяния, решил убить себя. Он бросился к вышке под

автоматную очередь и вдруг замер на черте, отделяющей зону от запретной, смертной полосы. С вышки громко звал часовой: «Ходи, ходи сюда немного!» — и если сделан шаг, раздастся выстрел, меткому стрелку — отпуск на родину. Каторга кричала: «Назад!» Человек не шевелился. Позвали Зека. Он приближался к обреченному, тихо говоря: «Не бойся, это я!» Каждое слово было слышно над замершей зоной. Подойдя, Зек приказал: «Поверни голову!» Заключенный послушался, их глаза встретились, и человек, приговоривший себя к смерти, сошел с гибельной черты — к жизни.

Теперь не могло обходиться без Зека и начальство колонии. Во-первых, в ней воцарялся мир, а во-вторых... А во-вторых. Зек стал движущей экономической силой каторги. Он вносил десятки рационализаторских предложений и внедрял их. Изобрел робота, заменившего труд двадцати человек, разрабатывал новые виды продукции на Сибирских ярмарках, она шла нарасхват — деньги текли рекой. О Зеке писали газеты (и в тех местах они выходят) колония занимала первые места в соревновании исправучреждений, её стали посещать высокие начальники, удивляясь достижениям порядка, наступившему на одном из каторжных островов.

И вставало солнце, и, прочертив по небосклону свой круг, уходило за черту таежного леса. День за днем, год за годом... Зек знал: утром шнырь принесет ему кружку чифира, другой подаст отутюженный лагерный клифт, а третий, улыбаясь беззубым старушечьим ртом, откроет дверь. Зек знал: те, кто осудили его, изгнали из умной, приятной жизни, вез в железном ящике, бросил на годы в ад — больше уже ничего не смогут с ним сделать.

Зек выжил.

Зек победил.

РОК

Дело Зека поражает абсурдом. Ленинградская газета, восторгаясь незаурядной личностью подсудимого, писала тогда: «Логика преступлений в нем (т.е. деле. — С.Ш.) заключалась в том, что совершались они вопреки здравому смыслу и самой логике», Но автор статьи, имея в виду одно, сказал о другом и был совершенно прав:

он невольно (почти по Фрейд!) обнаружил явную преднамеренность осуждения и кричащую беспомощность нелепого судебного процесса. Понимая заказной характер дела, от ведения его отказывались работники прокуратуры, следователи (был среди них, кстати, я А.Крамарев), Но суд состоялся и вынес приговор — небывалый в истории судопроизводства.

Впервые за время советской власти гражданина осудили по 16 статьям (!), суммой сложения сроком на 14 лет. Зек получил — после предназначенного ему «крытого» режима и зоны для помилованных — сыпку (не высыпку), ею крайне редко наказывают даже за тяжкие преступления, не каждый убийца удостоивается подобной «честь» от государства. Ссылного вертолетом забрасывают в глубь тайги — на поселение ненцев, каряков, якутов, тунгусов, и там ждет его неминуемая гибель от болезней и несъедобной пищи. Сыпка — гарантированная смерть.

Его преследовал рок. Судьба не скупилась на жестокие удары, ведя от одного испытания к другому. Зек был курсантом Ленинградского артиллерийского училища и Отучился бы, как тысячи Юношей до него, влился бы в славную офицерскую семью, служа, как медный котелок, мечтая о чинах и хорошей пенсии. Но он обладал необыкновенными способностями «и к внушению, воздействию на других людей, занимаясь гипнозом со школьных лет. В училище они проявились неожиданно и драматично. Старшина вне очереди послал Зека Делать уборку. Это была первая встреча с несправедливостью. Обиженный Зек решил восстановить справедливость, и старшина, подчинившись вдруг чужой воле, Отправился сам под хохот курсантов чистить ротный туалет. Случай получил огласку. Начальник училища генерал Константинов — большой, умный человек — приказал Зеку провести в клубе показательный сеанс, выступление прошло успешно: он укладывал своих товарищей мостиком на спинки стульев, усыплял, гипнотизировал — все

команды выполнялись. Он стал знаменитостью, вскоре ему удалось выступить в концерте вместе с великим чародеем Куни. Тот был поражен способностями курсанта. Зека увидел профессор Мясищев — столп советской психологии. Мясищев дал Зеку направление на учебу в Ленинградский университет, и артиллерист превратился в студента психологического факультета.

Судьба вновь круто изменила его жизнь

Учился Зек блестяще. Его покорила Ленинград, Он бродил белыми ночами по Неве, пропадал на концертах, просиживал в библиотеке писал стихи знакомился с художниками музыкантами поэтами. коллекционерами

Он изучал магию. погружался в тайны кабалистики и таро, занялся йогой и карате О нем говорили, как о незаурядном явлении исключительном таланте, прочили огромное будущее

Зек чувствовал себя самым счастливым человеком на свете

Он закончил Университет. Его дипломная работа, по мнению специалистов, соответствовала докторской диссертации.. Но однажды он нашел в почтовом ящике открытку «Поздравляем с успешным окончанием Университета . У ЛиО КГБ СССР, — было написано в ней. «Глупая шутка», — подумал он, но что-то тревожное шевельнулось в душе, и — словно пес, косматые сопки встали перед ним, и он сам в серой неприметной одежде.

Зек получил блестящее распределение — в институт Бехтерева. Он работал с упоением

писал статьи, проводил уникальные эксперименты, изобрел прибор, с математической точностью регистрирующий степень внушенности. Это было открытие! Он подходил к порогу, за которым — необъятные возможности понимания природы человека: исправление недостатков личности, снятие психических травм, эффективное лечение душевных болезней. Он творил и наслаждался ощущением независимости.

Он должен был стать известным ученым, а посвятил себя проблемам, решения которых остаются до сих пор секретными.

Судьба распахнула перед ним ад

Зек говорит: «Напишите так: работал в спецлабораториях над проблемами мозга, внушения... Ничего плохого я не делал, как мог, служил Родине».

Зная его работы по теории «зомби», можно лишь предположить, чем он занимался. Разрабатывал методику и практику воздействия на психику, «стирал» в сознании разведчика информацию, закладывал новую, нужную, создавал другую личность, и шифровал ее, опускаясь на подсознательный уровень, так, чтобы противник, ведущий в своих секретных лабораториях аналогичную работу, не мог вскрыть Живой мозговой сейф и добыть спрятанную там информацию (Это, конечно, лишь мои Догадки.)

Родина щедро платила Зеку Он не считал денег, получал каждый год новый автомобиль, имел в личном распоряжении самолет и мог вытребовать любого человека (однажды он только и воспользовался этим правом — спас от гибели оклеветанного). Он имел все и капризничал — требовал сигару редчайшего сорта. Сигара доставлялась в мгновение ока.

Судьба повернула его жизнь. « на годы за ним захлопнулись тяжелые двери каторги.

Из оговорок, намеков и умолчаний Зека я догадываюсь, что с ним произошло. Он не смог переступить нравственной грани, не совершил того, что расходилось с его моральными принципами и гуманными представлениями. Допустил ли он просчет в своей работе? Или в своей наивной патриотической любви к Родине не смог смириться с чужими ошибками?

Зек не любит вспоминать о том времени.

Он глубоко верующий человек.

ИСПЫТАНИЕ

Могущественные силы покарали его жестокой карой. Зека вели к гибели, его пытались сломать.

В тридцатиградусную жару в переполненной камере «Крестов» арестанты падали в обморок. Зек концентрировался, дышал по системе йогов, и только легкая испарина выступала на коже...

Его допрашивали сутками — он мог не спать неделю.

Зек прошел несколько карцеров — ледяных бетонных мешков, из Которых отправлялись на кладбище или выходили инвалидами.

Его били, он падал и поднимался, его снова били, и он вставал с заплеванной земли.

Он не признал ни одного из предъявленных обвинений и ему подсаживали сумасшедших и убийц но через час преступник только от имени которого трепетала каторга, дарил ему меховую кацавейку — чтобы не мерз новый браток на этапе и в неведомо какой еще Тюрме.

Его отправили — испугается, одумается вернется? — сначала в «легкую колонию там поставили на конвейер по сколачиванию ящиков: чуть задержался, заключенные бьют Зек — как он сам говорит — привычно приказал правой руке производить одни операции, левой — другие. У его ног выросла куча деталей, конвейер уже не поспевал, за спиной сопел удивленный «бугор». Он вышел из цеха на воздух — покурить...

в Новосибирской тюрьме он научился спать с открытыми глазами.

Тогда его бросили в железный Ящик, и арестантский «Столыпин» повез на Восток — в самую страшную советскую колонию.

Его могли зарезать днем, задушить ночью, искалечить в любое время.

Его спасала любовь.

Не раз приезжало к нему в ленинградскую колонию высокое начальство. Велись долгие разговоры (о чем — не знает никто). Только раз он попросил начальника колонии: «Если увезут, передайте жене, чтобы больше не искала меня». И однажды въехали в зону машины, в несколько минут его заковали в цепи и повезли...

Его жену вызвало то же высокое начальство и сказала ей: «Не ищите мужа, он больше Никогда не вернется. Думайте о Себе, вы молоды — стройте личную жизнь». Она искала его и нашла через полгода. Тогда она — балерина, нежная, тонкая женщина, привыкшая к покою, удобствам и красоте, — поселилась вместе с бульдогом (его любимым бульдогом, единственным, что осталось у нее от прежней жизни) в дощатом сарае возле колонии. Там она и ждала его, не веря что ожидание будет длиться 14 лет.

О ней хорошо знала каторга. Иногда заглядывал и сам начальник колонии, рассказывал о том, как он ТАМ (понятно, что и любопытно им было: что ж это за человек такой, если его так любят и на такой подвиг ради него идут?). А он уже «решал вопросы» в зоне и иногда посылал ей свой скудный зэковский паек.

Он думал о скрипке, лежа на нарах, глядя в низкий потолок землянки... Он был мальчишкой в украинском селе, когда ему попала в руки скрипка — дешевый, грубый инструмент, на котором играл сельский музыкант на свадьбах и похоронах. Он крепко держал ее, гладил исцарапанные бока и не хотел отдавать... Перед ним были белые мазанки в тенистых садочках, острые свечи тополей, пологие холмы дрожали в горячем сиреневом мареве, и пыльная дорога петляла в полях белой медовой гречихи... Скрипка потрясла его. словно ударила молния, ослепила и открыла незримое.

Какое мировое кружение, какая трансценденция, какой космический закон свершились? Но неоспоримая предначертанное сбылось, невидимый перст указал на мальчишку. Всей человеческой историей была приурочена эта встреча.

За тонкими стенами землянки пожирал себя мир: не прощенный, неискупленный, жестокий, карающий, злой, несправедливый, коварный, глупый, кровавый, управляемый дряхлым и мелочным демиургом...

Человек песчинка бессловесная, тварь, порыв ветра, трава стелющаяся, жалкий сосуд скверны, склонный к обману, убийству не знающий своего предназначения, не ведающий истины, не имеющий памяти. Гибель царствам разлепившимся, падают с неба камни и льет серным дождь, сдвигаются горы и там пустыни, а где пустыни тесно Громадам, негде

лететь птицам, красный сумрак накрывает землю, вода горька, и блуждает человек в темноте...

Там изгоняют из прекрасного сада Адама, и бежит он, прижимая к себе несчастную Еву: там спрашивают убийцу: «Каин, где брат твой Авель!», и отвечает он: «Я не сторож брату моему», и плодится каиново племя:

там под злобным лай собак, в грохоте туч, задевающих бронзовым краем молочный диск Луны, подсовывают наивному Иакову вместо красавицы Лии уродливую Рахиль;

там показывается розовое солнце, проклевывает синюю тучу, робко освещает лесной частокол, и смеется Сарра «внутри себя», не веря в грядущее чудо;

там идут по дороге, чуть касаясь ее босыми Ступнями, трое, и среди них — старший, идут к Содому.

Ночью Зек увидел благоухающий сад, и кто-то высокий и стройный, одетый в белое, шел по саду....